

Ю. Ю. Афанасьев

ДИАЛОГ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «ОСУДАРЕВА ДОРОГА»

*Работа представлена кафедрой историко-культурного наследия
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. В. Борисова

Статья является актуальной и новаторской интерпретацией философской проблемы диалектики свободы и необходимости в романе М. М. Пришвина «Осударева дорога». В работе анализируются попытка примирения писателем человеческой личности и режима, поиск философской возможности совпадения личных желаний и общественных директив в пространстве несвободы.

Ключевые слова: Пришвин, «Осударева дорога», свобода, необходимость, диалектика, Беломорско-Балтийский канал.

Yu. Afanas'yev

DIALOGUE OF FREEDOM AND NECESSITY IN THE NOVEL “OSUDAR’S ROAD” BY M. PRISHVIN

The relevant and innovative interpretation of the philosophical problem of the dialectics of freedom and necessity in the novel “Osudar’s road” by M. Prishvin is considered in the article. The writer’s attempt to reconcile a human personality and the regime, his search for a philosophical possibility of convergence of individual wishes and public directives in the space of lack of freedom are analysed in the work.

Key words: Prishvin, Osudar’s road, freedom, necessity, dialectics, White Sea-Baltic Canal.

М. М. Пришвин в критической литературе довольно многолик: «Действительно, существует загадка М. Пришвина. Кто он? Философ, основным жизненным принципом которого было “бойся философии”, певец космического Всеединства, настоящий поэт в прозе, редчайший знаток природы, страстный охотник, этнограф, фенолог, но еще и агроном, но еще и психолог, неутомимо исследовавший тайны творческого сознания, сказочник, человек, создавший удивительный миф о природе, своей жизни и жизни России. Этот перечень предикатов едва ли можно назвать закрытым. Пришвин неисчерпаем, как неисчерпаемо его творческое наследие» [2, с. 3]. На наш взгляд, в творчестве писателя отчетливо проявляется философское начало. Роман-миф «Осударева дорога» – лучшее подтверждение этому.

«Осударева дорога» – «горячая» «поэзия в прозе», проникнутая мудростью, любовью к людям. Писатель, обращаясь к историческому времени (30-е гг. XX в.), пытается обнаружить возможности примирения человеческой личности и тоталитарного режима, примирить свободу, онтологически дарованную человеку, и историческую необходимость. Диалог «хочется» и «надо» – вечное философское вопрошание о возможности и невозможности их согласия – представляется нам философской основой романа, той смыслообразующей константой, вокруг которой выстраивается событийный ряд.

К проблеме соотношения свободы и необходимости обращались философы разных исторических эпох. Так, в античности свободу искали в условиях самой необходимости [1]. По Эпикуру, свобода проявляется тогда,

когда в мире есть необходимый порядок вещей. Стойки же искали «не столько свободы, сколько примирения с необходимостью» [1, с. 53].

В дальнейшем происходит переосмысление рассматриваемой нами оппозиции. Субъект, активно познающий окружающий природный мир, у Спинозы является свободным, так как творческая активность выступает как условие обладания необходимой свободой.

В философии Канта субъект раздваивается на «субъект эмпирический и субъект умопостигаемый, необходимость и свобода сполна делятся между ними... У Фихте... необходимость господствует в жизни отдельного лица и в историческом развитии общества, но, будучи познанной, перестает быть несвободой» [1, с. 56, 57].

Своеобразной предтечей Гегеля оказывается Шеллинг. Свобода в его учении оказывается диалектическим коррелятом необходимости.

После Гегеля утвердились три версии рассматриваемой нами проблемы. Во-первых, «необходимость как таковая не существует. Она есть фантом сознания. “Необходимость не факт, а интерпретация” (Ницше). Идея необходимости – это идея “каменной стены”, предписывающей – “восставить нельзя”. Но не примиряться ни с одной из невозможностей и каменных стен можно и нужно» (Достоевский) [5, с. 380]. Во-вторых, «сфера свободы существует за пределами необходимости. Элементы этого подхода прослеживаются в марксизме» [5, с. 381]. В-третьих, свобода есть познанная необходимость (Спиноза, Гегель, Энгельс).

Последняя позиция была чрезвычайно близка Пришвину, который отстаивал прежде всего внутреннюю свободу, опирающуюся на необходимость. Пришвин считал, что только в творчестве свобода и необходимость становятся союзниками, органически сливаются в некое единство, позволяющее художнику создавать неповторимые шедевры русской литературы. И одним из таких шедевров Пришвина стало его произведение «Осударева дорога».

Творческий дух Пришвина «колдовал» над содержанием «Осударевой дороги» более 14 лет. А сам материал для написания этого произведения накапливался у писателя с 1906 года! В «Осударевой дороге» отразилась реальная историческая эпоха, эпоха строительства Беломорско-Балтийского канала. Время, когда прошлое начинает теряться в настоящем, когда сила инженерной мысли стремится победить природу и провозгласить человека ее царем, было особенно интересно Пришвину. «Подъемы к общему делу» в русском народе, которые так ценил и любил писатель, социальное переустройство общества, «переломы» сознания находят своеобразное художественное воплощение в финальном романе писателя. Пришвин, размышляя о трагическом диалоге свободы и необходимости, считал, что он почти невозможен в тоталитарное время. И все-таки – почти, так как, по Пришвину, выход должен быть найден. Конечно, он только ставит, обозначает эти «страшные» вопросы. У него нет готовых ответов. Он ищет ответы вместе со своим читателем. Роман «Осударева дорога» – философское вопрошание, но даже само обозначение этих «узлов», взаимоотношений человека и социума, представляется очень важным.

Обращаясь к диалектике «хочется» и «надо», писатель в силовое поле творческой мысли «подтягивает» и сопутствующие актуальные проблемы своего времени: формирование нового сознания, соотношение природы и цивилизации, последствия тоталитарной власти в контексте «великого Всеединства мира».

Инвариантная проблема соотношения «свободы» и «необходимости» решается в философском контексте **лица, личности, единства**.

Личность, по мнению Пришвина, не должна сливаться с обществом, в противном случае она умрет.

В романе Пришвин учит читателя «сопрягать» правду Евгения и правду Петра. Герои произведения стремятся найти свое место в мире. По мысли Пришвина, человек не

должен пребывать в состоянии страха перед историей. Человек – личность, обладающая творческой силой.

В своем произведении писатель решает глобальные общечеловеческие проблемы. В основе романа – описание жизни людей, занимающихся строительством канала, необходимого для социальной жизни, но разрушающего природную гармонию. Налицо конфликт природы и цивилизации.

Столкновение природы и цивилизации выражается в первую очередь в конфликте старообрядческого сознания и сознания «новых людей», строителей канала. Здесь противопоставлены не только типы народного сознания, сталкивается космоприродоцентризм старообрядцев и социоцентризм новых людей. И у каждого своя правда. И те и другие устремлены в будущее. Но «новые люди» хотят «построить» рай на земле и верят в эту возможность, а старообрядцы думают о «судном дне», о загробной жизни. Носители коммунистической ментальности дорожат каждым мгновением, одновременно принося в жертву чужие жизни ради светлого будущего. Однако новый мир отрешается от прошлого, отрешается от отцов. Как писал Н. Фёдоров, «важно жить не для себя или для других, а “со всеми и для всех”». Нужно достигнуть всеобщего братства посредством любви. Причем под “всеми” подразумеваются и ушедшие предки (“отцы”) и потомки (“дети”)... Современная цивилизация... является “не братской” по своей сущности...» [6, с. 159]. Пришвин, внимательно изучавший «Философию общего дела» Н. Фёдорова, неоднократно обращался к его идеям в художественном творчестве («Мирская чаша», «Башмаки» и др.).

В «Осударевой дороге» «новые люди» – строители Беломорско-Балтийского канала – уверенно, не оглядываясь на людские страдания, шагают вперед. Им некогда и не нужно оглядываться назад. «Новые люди» хотят видеть не абстрактную, а конкретную цель своего пребывания на земле. Они – Уланова, Сутулов, маленький Зуёк, каналомареец Волков – верят в насильственное преобразование Осударевой дороги. На-

чальник строительства, несгибаемый Сутулов, убежден в том, что жизнь нужно «устраивать» на земле. По мнению человека «страны советов», необходимо отбросить все свои желания, все свои «хочется» и отдаться общему «надо», «общему делу». Для него важно только одно – абсолютная необходимость этой стройки. Все, что не входит в его представление о строительстве канала, кажется ему неоправданной слабостью. А слабость он презирает.

Сутулов не может согласиться со взглядом на жизнь ревнительницы старой веры Марьи Мироновны, не скрывающей враждебного отношения к строителям канала: «В этом Писании план на жизнь небесную: тут... с жуликами, там ангелы и архангелы» [4, с. 40]. Она ждет иного преображения мира – огненного. Апокалиптическое сознание старой женщины отвергает всякое социальное переустройство: надо искать небесной гармонии, ибо жизнь – лишь краткий миг по сравнению с вечностью. Однако ее брат Сергей Мироныч понимает, что жизнь не остановить, не остановить социальной логики технического процесса. «Мирская няня» Марья Мироновна считает, что жить нужно так, как написано в Священном писании: по принципу «так надо», в ожидании светопреставления. Но Миронычу такая жизнь казалась ничемной: никто из его предков конца света так и не дождался. И если его сестра – «мирская няня» в «Сказании о венике» видела в поступке людей нарушение всяких религиозных догм («и жить-то хочется, и гореть надо» [4, с. 20]), то умный рыбак разглядел в легенде силу людского единства. «Нехитрая штука заморить себя на земле для жизни небесной, – думает он. – Трудно, и в этом и есть сила человека, чтобы на земле жизнь устраивать, как на небе» [4, с. 168].

Конфликт старообрядческой веры в небесные знаки и новой веры, связанной с желанием устроить рай на земле, разворачивается в особом хронотопе, в котором важное значение имеет художественное пространство.

Осударева дорога – место, отмеченное русской историей. В пришвинском творчестве – это дорога несвободы, социального насилия. Еще в «Краю непуганых птиц» Пришвин пишет о том, что создавали этот путь во времена Петра I архангельские, олонецкие, новгородские крестьяне, за которыми везли виселицу... И ради победы над шведами царь перевел по новой дороге свое войско и «переправил» с помощью «живой силы» простых людей два фрегата. Вот почему для старообрядцев Осударева дорога – место «священного народного труда», достойного почтения:

– Что тут народа легло! [4, с. 15], – говорит Сергей Мироныч, один из героев «Осударевой дороги».

Однако понимание Осударевой дороги как места «священного народного труда» – не единственное в романе; это пространство обладает глубокой символикой. Это и «водный путь», и след «Скандинавского ледника», и «дорога царя Петра I», и «след колесницы Ильи-пророка», и «божья колея». С одной стороны, Пришвин мифологизирует Осудареву дорогу, а с другой – описывает ее в реальном историческом времени. Но и в нем совершается великое насилие над человеком и природой. Сложно представить, что на костях погибших «новые люди» стремятся построить то, что, в их представлении, будет служить цивилизации. «Отделение творчества от существа жизни в условиях насильственного отношения к бытию, – отмечает исследователь Я. Гришина, – идеологизирует творчество и обесмысливает результат:

подменной целью оказывается не строительство канала, а идея “перековки” человека...» [3, с. 313].

Возможно ли в «лагерной конюшне», на площадках принудительного труда, совмещать свободу и необходимость? Ответ на этот вопрос воплощается в образе бывшего миллионера Волкова.

Пройдя мучительный жизненный путь, утратив многочисленные иллюзии, этот удивительный человек открывает для себя, что свобода и есть познанная необходимость. Свобода заключается для него в особом сознании, в мысли о том, «чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать» [4, с. 65]. Волков приходит к свободе через мучительные метаморфозы, рождающие новое сознание и новую личность. И теперь ему ничего не страшно: он «овладел» «вечной мыслью».

Пришвин, размышляя об ужасах принудительного труда, который не объединяет, а разъединяет людей, приходит к следующему выводу: разумных существ Земли невидимой нитью духовности связывает желание делать друг другу добро. И тогда появляется возможность личное «хочется» (свободу) совместить с общественным «надо» (необходимостью). Поэтому писатель и называет свободу «привычкой к необходимости».

Своему роману Пришвин завещал эпиграф «Аще во ад сниду – и Ты тамо еси», внося тем самым в роман идею «безусловного присутствия Бога» (Я. Гришина), идею воспитания внутренней свободы в человеке. И это единственное, что может ему помочь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995, № 1. С. 53–69.
2. Борисова Н. В. Жизнь мифа в творчестве М. М. Пришвина: монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. 282 с.
3. Гришина Я. З. Комментарии // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2006. Т. 3. 624 с.
4. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982–1986. Т. 6. 439 с.
5. Философия. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 416 с.
6. Философия: учебник / под ред. проф. В. Н. Лавриненко. М.: Юристъ, 2002. 520 с.

REFERENCES

1. *Asmus V. F.* Dialektika neobkhodimosti i svobody v filosofii istorii Gegelya // *Voprosy filosofii*. 1995, N 1. S. 53–69.
2. *Borisova N. V.* Zhizn' mifa v tvorchestve M. M. Prishvina: monografiya. Yelets: EGU im. I. A. Bunina, 2001. 282 s.
3. *Grishina Ya. Z.* Kommentarii // Prishvin M. M. Sobraniye sochineniy: v 3 t. M.: TERRA Knizhny klub, 2006. T. 3. 624 s.
4. *Prishvin M. M.* Sobraniye sochineniy: v 8 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982–1986. T. 6. 439 s.
5. *Filosofiya. Kratkiy tematicheskiy slovar'*. Rostov n/D: Feniks, 2001. 416 s.
6. *Filosofiya: uchebnyk / pod red. prof. V. N. Lavrinenko*. M.: Yurist', 2002. 520 s.